

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 314

8 JUIN 1961

Les Nouvelles Russes

ВЫХОДИТ ПО ПЯТНИЦАМ 7-й ГОД ИЗДАНИЯ. Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

30 frs

ОСНОВАТЕЛЬ А. Ф. СТУПНИЦКИЙ

Адрес Редакции и Конторы : 16, rue du Croissant — PARIS 2 — Tél. : CEN. 44-27.

Fondateur A. Stepanitzky

Пятнадцатилетие смерти М. Горького

Н. Телешов

ДВА ЭПИЗОДА

ИЗ КНИГИ
«ЗАПИСКИ
ПИСАТЕЛЯ»

С того времени, когда Горький приехал в Москву, он всегда бывал у меня на наших «Средах».

Внешность его была весьма замечательна: высокий, сухощавый, несколько сутуловатый; длинные темные волосы, зачесанные назад, почти до плеч, маленькие светлые усы и бритый подбородок, умные, глубокие глаза и изредка, в минуту особой приязни, очаровательная улыбка, чуть заметная. В речи его характерно выделялась буква «о», как у многих воложанин, но это «о» звучало мягко, едва заметно, придавая речи какую-то особую вышнюю ноту и простоту, а голос был мягкий, грудной, приятный. Одевался он обычно в черную суконную рубашку, подпоясанную узким ремешком, и носил высокие сапоги.

Горький любил и очень ценил А. П. Чехова. И вот, в связи с этим уважением к Чехову, разыгралась в ноябре 1900 года в Художественном театре шумная история. Случай достаточно известный, о котором многие рассказывали в воспоминаниях, но совершенно не так, как было это на самом деле, потому что свидетелем этого инцидента, кроме меня, никто из писавших не был. Одни утверждали, что это случилось в Крыму, во время гастролей, другие — что в Петербурге; иные рассказывали, будто Горький вместе с Чеховым сидели в буфете и что — то шло.

Дело было в Москве, осенью 1900 года, в первом помещении Художественного театра, в Эрмитаже, в Каретном ряду. В этот вечер шла «Чайка», а после не «Дядя Ваня», как описывали это многие, так называемые, свидетели и очевидцы.

А. П. Чехов был в этот вечер не в публичке, а за кулисами и приехал в театр только к концу второго акта. Ни в фойе, ни тем более в буфете не появился и с Горьким в течение всего спектакля не виделся.

Горький и я, вдвоем, сидели в директорской ложе, а в антрактах переходили в соседнюю небольшую комнату, где помещался тогда директорский кабинет Вл. И. Немировича — Данченко. Сюда нам подали чай. С первого же антракта к этому кабинету стали подходить театральные зрители, постучивать в дверь и все настойчивее вызывать Горького. Тот недоумевал:

— Зачем они вызывают меня, когда идет пьеса Чехова?

Но взгляды за дверью становились все настойчивее. В третьем антракте вызовы перешли уже в громкий рев: «Горь — ко — ва!!!».

Дверь наконец насильственно распахнули. Весь коридор был полон народа. Загремели андальские, заливовали поклонники. Но Горький не только не раскланывался в ответ, но решительно вышел из кабинета в толпу и резко спросил:

— Что вам от меня нужно? Что вы пришли смотреть на меня? Что я вам — Венера Медицейская? Или балерина? Или утопленник? Нехорошо, господа! Вы ставите меня в нелепое положение перед Антоном Павловичем: ведь идет его пьеса, а не моя. И при том такая прекрасная пьеса. И сам Антон Павлович находится в театре. Стыдно. Очень стыдно, господа!

Реакционные газеты стали раздувать этот инцидент, рассматривая его как «выговор публике», как схватку писателя с обществом, и тогда два подряд в разных изданиях помещались карикатуры на Горького то в виде Венеры, или балерины, то в виде утопленника, а то — человека, сидящего за столом и положившего ноги на стол.

Об этом — о балерине, Венере и утопленнике — мне много раз приходилось читать и слышать, да и сейчас приходится в разных воспоминаниях встречать самые нелепые выдумки. Описывают даже жесты Горького, будто бы сопровождавшие эту отповедь, рассказывают вымышленные подробности. Никто из писавших об этом не был свидетелем этого случая, — говорили и говорят с чужих слов.

Вспоминается еще инцидент, но уже не с публикой, как было в Художественном театре, а с жандармами и с министерством внутренних дел, в ноябре 1901 года. Заболевший Горький переехал из Нижнего — Новгорода в Ялту. Путь лежал через Москву, где Горький должен был пробыть от утреннего поезда до вечернего. Это пребывание в Москве показалось кому-то опасным, и жандармы семью Горького пропустили в Москву, а его самого на товарной станции, перед самой Москвой, задержали, потом пересадили в другой вагон, поставили вагон с нижегородской линии на курский рельсы, так как эти два пути здесь перекрещиваются, и отогнали за полсотни верст в город Подольск.

В половине дня нам стало все это известно, и мы немедленно небольшой группой — Леонид Андреев, Бунин и я — по-

ехали с дачным поездом в Подольск узнавать — в чем дело. В числе поезжавших одновременно с нами был Пятницкий, заведывавший издательством «Знание», и переводчик Горького на немецкий язык. Поезд, впрочем, приехавший из Берлина в Москву, чтоб увидеть, как живут в России знаменитые писатели.

И увидел. Впоследствии он прислал мне немецкую газету с подробным описанием всего нашего путешествия. Было стыдно, что читают об этом в Европе.

Сюда же, на свидание с Горьким, приехал и Ф. И. Шаляпин. Здесь, на платформе станции Подольск, мы все с ним и познакомились. Через минуту начальник станции с дежурным жандармом вывели нас в «дамскую комнату», где беспокойно шагал из угла в угол, заложив руки за спину, Алексей Максимович. Увидев в дверях первых двоих, он остановился, вдруг и протянул вперед руки. За первыми показались двое вторых, потом третьи. Удивление и радость были в его глазах.

— Что семья? — было первым его вопросом. — Где они все?

Его успокоили: все в Москве, всех мы их видели сегодня. Они в квартире Смирнова и ни в чем не нуждаются.

До обратного нашего поезда было времени часа три. Сидеть в дамской комнате было более чем неудобно, и мы решили поехать в город, отстоявший от станции минут в десять езды. Пришлось, однако, иметь разговор с жандармом.

Ныряя в широких санях по подольским ухабам, мы добрались среди зимних сумерек до какого-то ресторана, по словам извозчиков «первоклассного» и лучшего в городе. Здесь отвели нам отдельный кабинет, в котором мы еле уместили свои пухлые, навалив их кучами одну на другую на маленьком диване и на столе; но сестры нам семерым было уже совершенно некуда. Тогда отвели нам второй кабинет рядом с пухом, такой же крошечный. Здесь мы и устроились, но так, что дверь в коридор пришлось оставить открытой, иначе все семеро мы не вмещались, а дверное отверстие занавесили скатертью — от любопытствующих.

Пока нам готовили чай, пока накрывали узлы, по городу уже прошел слух, что приехал Горький с писателями и с ними — Шаляпин. И вот к вокзалу потянулись вереницы людей... А в «первоклассном» ресторане нашем происходило в это время следующее:

Только что мы устроились за занавеской и начали разговаривать, как до слуха нашего донеслось приближающееся звяканье шпор и мимо кабинета прошло несколько пар ног, что было видно из-под скатерти, не доходившей далеко до пола. Немец наш забеспокоился: что это значит? Затем, через минуту, не выдержав и вышел в коридор, откуда вернулся возбужденный и побледневший.

— Они рвутся в наши шубы, — в ужасе сообщил он.

Но ему спокойно ответил, что это у нас дело обыкновенное, и что не стоит волноваться из-за пустяков: чему быть, того не миновать, как говорят пословицы.

А еще через несколько времени, робко приподняв нашу скатерть — занавеску, появился смущенный хозяин, кланяясь и извиняясь, с домовою кингой в руках. Он положил эту кингу на стол и просил всех нас расписаться: кто мы такие, откуда, где наши квартиры и как всех нас зовут, уверяя, что у них в городе такой порядок, чтобы приезжие писали о себе всю правду.

Приезжий здесь один я, — вдруг заявил на это Шаляпин серьезно и строго. — А это мои гости. Такого закона нет, чтобы гостей переписывать. Давайте сюда кингу, я один расписнусь в чем следует.

Волнуясь, следил хозяин за словами, которые начал выписывать в книгу Шаляпин. Увидев, наконец, что мучитель его — артист «императорских театров», облегченно вздохнул и успокоился.

Когда мы вернулись на вокзал, там был, вероятно, весь город Подольск. На ступеньках вокзала нас снова встретили жандармы и хотя без обычных грубостей, но в очень определенном окружении проводили нас снова в «дамскую комнату», где мы и просидели безвыходно до прихода скорого поезда Москва — Севастополь, в котором ехала семья Горького и в котором без дальнейших инцидентов поехал он сам. Таким образом весь смысл, вся премудрость подольской задержки сводилась только к тому, чтобы не впустить она сного писателя в столичный город Москву, хотя бы на полдня.

Поезд остановился здесь буквально на несколько секунд: очевидно, вне расписания, чтобы принять в определенное купе одного пассажира — Горького.

Алексей Максимович поднялся на платформу вагона и едва успел сказать нам

спасибо за наш приезд, как нагнал гудок, и поезд тронулся. Горький смог только крикнуть нам всем на прощанье:

— Товарищи! Будем отныне все на «ты»!

Горький всегда относился к своим товарищам более чем внимательно. Вот, например, отрывок из его письма ко мне с Капри от весны 1909 года.

«Николай Дмитриевич, дорогой. И. А. Бунин прочитал мне ваше письмо к нему, и оно, вместе с рассказами о вас, влившей тоске по хорошей литературе успокоило меня относительно состава сотруд-

ников сборника. Значит, могу быть уверен, что не будет в нем ни спекулянтов, ни популяристов, ни авантюристов, ни тех, кои смотрят на писательство, как на отхожий промысел. Сообщите срок выхода сборника, состав редакции (в нем хотелось бы видеть обязательно вас и П. А.) и все ваши намерения. Рад я, что вы занялись за это дело и — да обживит, укрепит оно вашу душу... Мне было приятно узнать, как вы относитесь к современной литературной разлуке, и горестно, что вы низко оцениваете себя. Почто малодушествовать, сударь мой? Хотелось бы мне поговорить с вами о русской литературе в прошлом ее, где великих писателей было больше, чем мы насчитываем, и где так называемые историки литературы «второй и третьестепенные писатели» были велики своим честным отношением к судьбам родины, к жизни народа, к литературе — святому делу их жизни...»